

Л. Г. Жданов

Грозное время

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. Г. Жданов

Грозное время / Л. Г. Жданов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 212 с.

ISBN 5-265-02597-9

Это продолжение жизнеописания Ивана Грозного до его смертного часа. Первая - светлая - половина жизни и правления государя описана Львом Ждановым в книге "Третий Рим: 1526-1552". В последующей жизни Иван IV залил страну кровью, отравил запахом тления, заложил основы скорой Смуты. Свой облик боголюбивого государственного строителя он дополнил ужасной славой тирана и великого грешника, "сыроядца", как звали его еще при жизни на Руси.

ISBN 5-265-02597-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лев Григорьевич Жданов
Грозное время
Роман-хроника (1552–1564 гг.)

От автора

Иван Грозный – вот имя того нового Герострата на троне, который, словно умышленно, сжег все доброе и светлое, все человеческое в собственной душе, испепеляя вместе с тем целые города, свои и вражеские, сжигая на кострах груды человеческих тел в таком числе, что только была Инквизиция католическая может поспорить размерами религиозных своих гекатомб с дерзаниями автократа московского, великого князя и царя всея Руси!

Рати Ивана рубили и жгли, проходили грозой не только по вражеской, но и по родной земле. Новгород Великий и старый, вольный Псков до сих пор помнят приходы Иоанна IV. Воины и палачи царя проливали не только кровь неприятеля – убивали стариков, женщин... Детей нерожденных в утробе матери губили по приказу бесчеловечного царя его опричники. Дикий грабеж, растление девушек, детей, самое возмутительное насилие над женщинами – казалось обычным делом в дни Грозного царя.

Если таким образом – лезвием топора, факелом поджигателя – хотел Иван врезать и вжечь свое имя в вечной скрижали истории, – он добился своего. Нет угла на земле, где не знают этого страшного имени, где не реет облик «сыроядца» – как звали его уже при жизни на Руси. Он наполнял своей ужасной славой мир, пока жил. Прошло 330 лет после смерти его, и в целом мире, где только горит пытливая, обладающая знанием человеческая мысль, – там поминуют Ивана Грозного... не добром, конечно!..

Но за морем пламени, за чадом горелых человеческих тел и за потоками крови, пролитой невинно, по прихоти полубезумного самовластника, – за этой завесой словно потонули, скрылись во тьме и другие стороны больной, изломанной, но, несомненно, богато одаренной от рождения души этого мудрого прозорливца, государственного строителя и деятеля, равного по замыслам своему гениальному правнуку, Великому Петру. Исчезли куда-то первые, светлые годы царенья Иоанна IV, почти 14 лет, когда его звали Иваном Боголюбивым, а не «царем-опричником», как прозвали потом!

После трех с лишним веков настало, я думаю, время дать цельный образ этого властителя-самодержца, полугения, полужверя.

Первая, светлая половина правления Иоанна изображена мною в романе-хронике, вышедшей перед этим под заглавием «Третий Рим», потому что под этим именно знаком народилась самодержавная власть царей московских на Руси, переданная от деда и отца – внуку, Иоанну IV. Под знаком мировой державы и защиты всего христианского мира от мусульманской силы; под сенью купола Святой Софии, манившей издавна к Себе славянских царей Севера Европы, желающих стать императорами Византийскими и всея Руси, – под такими заветами взлелеяна была власть государей, последних Рюриковичей. И первые, светлые годы царенья Ивана до взятия Казани включительно пронизаны именно идеей стремления к «христианскому возобладанию славянского племени на целом Востоке и Севере Европы». И только потом, став Иоанном Грозным, кровопийцей, страшным игуменом Александровской слободы, – если не забыл, то отложил Иоанн Четвертый Боголюбивый широкие, гордые планы светлой юности...

«Третий Рим» и кончается на днях взятия Казани, на этих лучших страницах

русской истории XVI века.

В настоящем романе-хронике дальше разворачивается свиток жизни царя Иоанна. Печальная хартия, где каждая строка рдеет кровью, отравлена запахом тления, запятнана гноем разврата и падения могучей, большой человеческой души.

Но и эти страницы старался я чертить с возможным равновесием духа, не позволяя своей возмущенной человеческой душе подсказывать беспристрастному уму слишком скорые и жесткие слова бесповоротного обвинения.

Так я старался. Но «еже писах – писах»... То написано. Отдаю теперь людскому вниманию мой труд. Жду приговора над ним.

Лев Жданов

Часть I

Царь Грозный и царек Симеон

Глава 1

Годы 7060–7061 (1552–1553)

11 октября – 23 июня

Взятие Казани, покорение царства Казанского!..

Больше трех веков тому назад юный царь Иоанн IV, прозванный в народе Боголюбивым за свою набожность, – выполнил, наконец, задачу, завещанную 26-летнему царю его отцом, и дедом, и прадедом: взять юрт Казанский, овладеть ключом, открывающим путь к Волге-реке, простор которой был необходим для Московского царства, еще юного, неокрепшего, но растущего не по дням, а по часам, подобно богатырям старорусских былин.

И сейчас еще в народе не умерли отзвуки этого события, звучат отрывки песен о «Казанском славном взятии»... о «царе Иване Василиче, покорителе Казани», который в октябре 1552 года овладел «юртом неверных татар Казанских».

И невольно отголосками былой гордости и восторга наполняется грудь старика-крестьянина, поющего «сказание», и грудь мыслящего, культурного сына великой народной семьи всероссийской, когда он пробегает взором строки старинной песни, созданной так давно, но оживленной снова станками скоропечатных машин.

Можно легко представить, какой восторг и живую радость испытывал сам царь, когда, после долгой осады и кровопролитных боев, вслед за последней резнёю – пала твердыня мусульманская, стоящая помехой на пути для целой Руси, и сдался в полон последний царь Казанский.

Что переживало войско московское, целую осень зябнувшее в грязи, под дождем!.. Какое ликование началось здесь, когда рати вступили в богатый, большой, хотя и полуразоренный осадю город и уснули на мягких постелях, вместо мокрой соломы, брошенной в грязи, в сырых, намокших от непогоды шатрах военного лагеря... Еще больше ликовал, веселился шумнее народ московский, вся земля русская, когда дошли сюда первые вести о взятии Казани, опережая торжественное шествие победителя-царя, возвращающегося домой, к своему престольному граду Москве, к жене любимой, к первенцу-сыну, рожденному царицей Анастасией совсем недавно, пока царь еще воевал с врагами.

Всюду народ ликованием и громкими приветами встречал победителя-царя. Путь ему, как библейским вождям, устилали одеждами, целовали край его одежд, стремяна его коня. На Москве – митрополит, духовенство, цари иноземные, бояре и князья, а главное – весь народ, собравшийся к радостному дню встречи издалека, – сотни тысяч людей, море людских голов пало ниц, склонилось перед юным вождем земли, восклицая:

– Здрав буди на многие лета царь Иван Боголюбивый! Да живет покоритель юрта Казанского... освободитель рабов христианских из плена агарянского!

От восторга замирала душа честолюбивого юного царя, сжималось радостно и сладко сердце. Казалось ему, что не наяву, а во сне видит он сказку волшебную, о которой грезил немало дней.

И постарался царь, чем мог, отплатить со своей стороны народу, духовенству

и ратным людям с их начальниками за любовь и службу верную.

Три дня длился пир, устроенный царем для знати и для народа. Не в одной Москве – и по другим городам столы всенародные были устроены, бочки с напитками выставлены для люда простого.

Не считая поместий и вотчин, коней, нарядов дорогих и шуб с царского плеча, розданных окружающим, – одно угощение обошлось казне царской почти что в миллион рублей на наши деньги. А если помнить, что пуд говядины стоил 20 копеек, что хлеб стоял в такой же малой цене, – можно себе представить, как щедро угощал землю ее державный хозяин на радостях победы, на двойной радости от рождения первенца, царевича Димитрия.

Но стихом велика была удача царя Ивана и всей земли его, чтобы завистливый Рок не постарался омрачить веселых дней. Радость победы, купленной потоками своей и вражеской крови, замутилась очень скоро.

Еще не отпировали шумных пиров, только успел съездить Иван с царицей и царевичем Димитрием к Сергию Преподобному, в Троицкую лавру, где у мощей святителя в Троицком соборе архиепископ Ростовский Никандр крестил княжича, как уже появились первые тучи – и со стороны вновь завоеванного царства Казанского, и от соседнего Новгорода Великого, и от Пскова.

В новом владении, с таким трудом завоеванном, в царстве Казанском, там голод настал, неизбежное последствие войны. А бояре, ставленники московские, не заботились о земле, о людях, старались только нажиться поскорей да побольше. Кочевники, горцы, луговые и приречные черемисы, чуваша и вотяки – все возмутились против христианского ига, чуждого им по духу, невыносимого по бессердечию представителей новой власти. Стычки пошли, и часто терпели урон русские.

А в Новгородской и Псковской земле чума жестокая сразу появилась, словно вспыхнула, и широко, пожаром разлилась кругом.

Вместе с добычей военной, с шелками, нарядами и сосудами дорогами, награбленными у казанцев, занесли ужасную гостью домой из Казани новгородские и псковские ратники, не брезговавшие достоянием мертвых, снимавшие дорогие уборы с казанцев, павших от болезней, с зачумленных трупов, которые валялись на площадях и на улицах покоренного города.

Первые оставили новгородцы бой, первые кинулись на грабеж, хватая, что на глаза попадется. И на них обрушилась всею силою «кара Господня». Откуда началась болезнь, трудно было решить. Толковали, что один новгородец, Пинай Потяков, ворвался в главную мечеть, на ступенях которой убит был Шериф Мулла, нашел там ящик небольшой, печатями многими запечатанный. Так его Пинай и в лагерь уволок, домой привез, не раскрывая. А дома стал разбирать всю грудку добычи привезенную и между мехами нашел забытый ящик. Вскрыл печати, поднял крышку – там нашел шаль кашмирскую тонкую, чудными узорами затканную, да две рубахи шелковые, мужские, золотом шитые.

Шаль он жене отдал, одну рубаху сам в праздник одел, другую брату своему крестовому подарил, Голубу Третьяку, человеку торговому, богатому. И первыми жертвами чумы пали эти две семьи, в неделю вымершие до последнего человека, со всеми чадами и домочадцами. А там дальше да больше... И в Пскове мор открылся. Ни одного дома, ни единой семьи не было, где чума не унесла одной-двух жертв.

В три месяца до пятисот человек вымерло в обеих соседних областях. Да и в других местах, несмотря на заставы и карантинные суровые, много погибло народу, особенно бедняков, которые зимой и осенью в грязи, в сырых, холодных избах курных ютятся.

Настали крещенские морозы, воздух очистился, суше стал. Тогда и мор начал уменьшаться; но успел оставить за собой целый лес преждевременных могильных крестов по всему государству Московскому.

Много помогло народу живое участие, оказанное царем в этой беде. Он приказал по монастырям кормить и лечить хворый люд. Шестого декабря, в Николин день, было устроено торжественное поднятие мощей св. Николая с водосвятием, и потом вода святая была разослана в наиболее пораженные чумой места для раздачи народу. Вера и подъем духа давали силы людям бороться с болезнью, которая особенно легко передается слабеющему телу, если душа подавлена и тоскует...

Мор стал ослабевать. Иван вздохнул спокойнее. Макарий, зная любовь Ивана ко всяким церковным блестящим церемониям, приготовил ему два удовольствия, одно за другим.

Восьмого января 1553 г. бывший казанский царь, мальчик Утемиш-Гирей, сын Сафа-Гирея, был крещен Макарием в Чудовом монастыре в присутствии Ивана. Савва, игумен Крутицкого подворья, явился восприемником крещеного татарчука, который получил имя царя Александра Казанского и принят был Иваном в число самых приближенных к нему юношей, детей первых бояр и князей московских.

Сумел повлиять митрополит и на Эддин-Гирея, последнего хана грозной татарской орды. На выбор было предоставлено этому не очень отважному и твердому волей царевичу: лишиться жизни, чтобы не осталось у казанцев надежды вернуть себе мусульманского владыку, или принять веру христианскую и таким образом умереть для мусульман. В награду за крещение юноше были обещаны великая милость, дары царские и почесть до конца дней.

Эддин-Гирей не родился, чтобы стать мучеником.

Он «добил челом» Ивану, чтобы дозволено было ему принять христианство, согласно «искреннему желанию и глубокой вере» этого так быстро обращенного татарского вождя. Для исполнения обычая несколько дней ходили попы и монахи к Эддин-Гирею и допытывались:

– Не от нужды ли, не страха ли ради хочешь познать закон веры Христовой?

– Нет! – твердо отвечал испытываемый. – Клянусь бородой Пророка, по всей правде-истине, с любовью готов и хочу принять закон Христа, а Магомета, бесильного и лживого, как я увидел после поражения моего, и скверный закон мусульманский отрицаю и проклятью предаю. Не спасли они меня... Ваш Бог победил... Он, значит, есть Бог Всесильный, Бог Истинный!

26 февраля, на второй неделе поста, день выдался весенний почти, теплый, хотя и пасмурный. Чуть светать стало – близ тайника в стене Кремлевской, который вел к самой Москве-реке, совершилось крещение бывшего хана, Эддин-Гирей-Магома-Хозроя. Царь с братьями своими, Макарий, двор царский, причт кремлевских соборов и церквей – все присутствовали при торжестве. Обряд крещения совершал Савва Крутицкий, а восприемником был Макарий, и дал он своему сыну-восприемнику имя Симеона, по отцу – Касаевича.

Вместо топора и петли – новообращенный, как лицо приближенное к царю, получил богатое жилище в самом Кремле, много добра, денег, земель с деревнями и даже целый двор наподобие царского, с боярином Иваном Заболоцким во главе.

Кроме этих двух – еще несколько татарских царевичей и царей своим присутствием способствовали блеску московского двора. Ших-Алей, правивший Касимовом, редко и жил там, все больше сидел в Москве. Каз-Булату-Тохтамышу город Юрьев был дан на кормление; Дербыш-Алей, претендент на ханство Астраханское, жил в Звенигороде. Бек-Булату с Саином – Сурожик-град был дан пока.

– Пусть знают и в чужих землях, как московский царь врагов умеет щадить и миловать! – сказал Иван царице Анастасии, когда у той вырвался крик изумления, и даже руками всплеснула при рассказе мужа, во что обошелся ему новый приближенный, бывший хан Казанский Эддин-Гирей-Магмет.

– Ну, твое дело, милый ты мой... – шепнула Анастасия, крепко обнимая мужа и любуясь гордым блеском, каким загорелись сейчас оживленные глаза ее красавца-мужа.

– Да и не пропащие это денежки! – улыбаясь, добавил царь, помолчал. – Узнают другие князьки неверные, как мы ихнего брата награждаем, валом повалят. Еще больше от них корысти будет Москве. Вот теперь, после Казани, пора за Астрахань приниматься. Наша та земля, исконная... Еще прадед мой, Мстислав, умираючи, ту землю Тмутараканскую, как звалась она в ту пору, своим отказывал. А как раз оно и время нам приспело хорошее: смута большая в орде в тамошней. Гляди, не теперь, так на тот год – станешь царицей Астраханской.

Анастасия, не дослушав, даже руками замахала.

– Что ты, государь?! Снова война? Сызнова поедешь на муку и на бой смертный? Да ни за что! Да не пуцу и не пуцу. Вот повисну так – и не оторвут меня!..

И царица показала, как она делает, чтобы не отпустить мужа.

Иван, смеясь, с поцелуями стал отрывать ее руки от своей груди.

– С тобой поеду... Так на коня тебя втащу – и увезу!

– А Митя с кем наш останется?

– Мамок у него, что ли, мало?

– Нет, не шути... – со слезами уж заговорила царица. – Неужто сызнова воевать собираешься?

– Нет, успокойся... Там дело не казанское, дело маленькое – и воеводы мои поуправятся. А хоть бы и пришлось мне воевать с кем из недругов царства нашего, ежели бы и жизни я решился в бою, не пропадет земля: сын на мое место останется, наследник мой, гордость моя... Здоров ли мальчуга? Здоров ли Митенька? Что не видать его?

– Пойдем, погляди на дитя!.. – предложила княгиня. – Да потише: уснул младенец, спит, душа ангельская.

И оба они потихоньку перешли в соседнюю горницу, где под надзором нянек тихо спал малютка Димитрий.

Разговор этот происходил день спустя после крещения Эддина. Простудился ли там Иван, разгоряченным выйдя из двора к реке, где было сыро и холодно, иное ли что подкосило мощное здоровье царя, но он стал недомогать, прихвары-

вать с этого самого утра. Ни баня горячая, первое средство против всяких недугов у людей того времени, ни питье разное и натирания, проделанные самой царицей, – ничто не помогало. Недуг быстро овладевал Иваном, и он свалился совсем.

Печальна служба Великим постом в храмах московских... Заунывны напевы псалмов и гимнов покаянных... А во дворце совсем как в могиле. И говорят вполголоса, и ходят – не всей ногой ступают, чтобы лишним шумом не обеспокоить больного царя.

Долго тянется его болезнь. Тяжелая, упорная она. Огнем так и пышет больное тело, все – сыпью покрыто темною.

Думали сначала: не чума ли то новгородская приспела? Нет, не такие знаки. И жар силен у царя, неделями держится. Часто в беспамятство впадает больной, бредит осадой казанской, старой изменой боярской, вспоминая годы своего детства. И все сына да жену зовет:

– Настя, Митя!.. Не дайте меня в обиду... Отстойте от врагов: живым жечь хотят... На лютом огне мое тело палат!..

Но лекаря, из чужих земель пришельцы, живущие в Москве и свои, русские, монахи – знающие люди, в леченье и зельях лекарственных сведущие, не велят никого пускать к царю, чтобы болезнь не передалась, так как заразная она.

Прислужник, помогавший сначала Ивану, когда захворал тот, сам скоро заболел так же тяжело, как и царь. Но за простым челядинцем ухода не было. Только один лекарь все к нему заходил и давал ему на пробу снадобья, которыми думал царя пользоваться. Если лучше становилось прислужнику, лекарь давал это средство царю. Если от лекарства хуже становилось слуге, лекарь выливал дозу, приготовленную для Ивана. И в бане парил испытатель-врач второго больного, и холодом пользовал, ища, от чего поддается болезнь.

Не мудрено, что слуга скоро и умер.

Окружающие царя, не зная, что пришлось испытать бедняку от лекаря, – перепугались, особенно Захарьины. Все их могущество зависело от состояния здоровья Ивана. Умрет он, малолетнему Димитрию, если даже признают бояре в нем будущего царя, опекуны будут даны, самые знатные, самые сильные породой, самые богатые землями и деньгами. А Захарьины только-только что оперяться стали. И, конечно, многочисленные враги и завистники поспешат свергнуть «выскочек» в такую пропасть, из которой потом и не выбраться. Примеры тому у всех живы в памяти: Глинские рухнули... Шуйские, Вельские рухнули! Овчина, временщик всевластный, и весь род его рухнул, в собственной крови потонул, захлебнулся.

Жуть проняла братьев Анастасии. Страх свой сумели они и царице передать. А там, когда на больного нашла минута просветления, рискнули и к нему обратиться оба шурина.

Обрадовался Иван, долгое время, в светлые минуты между бредом, не видавший никого, кроме лекарей да челяди ближней, но ни бояр, ни родни не замечавший у своей постели.

– Здоров, Данилушка, братец... И ты, Никита... Чтой-то не видать никого из моих при мне? Али так уж прилипчива хворь моя? – слабым голосом спросил Иван.

– Есть тот грех, государь. Да вот мы не побоялись... навестить, проведать тебя пожелали...

– Спасибо. А жена што? А Митя?

– Все здоровы, дал Господь. Кручинны только больно!

– Ну, вестимо... Да, Бог даст, оздоровею я скоро, утешу их...

– Конечно, на все Божья воля... В животе и смерти – Он Судья, государь-братец...

И тон речей у обоих шуревьев был так тревожно-зловещ, что Иван задрожал.

– Да... да разве уж так плохо дело мое? Что лекаря говорят? Я сам спрашивал. Они все утешают: «Ты, мол, здоров, государь!» Толкуют мне: «Одолеешь недуг свой тяжкий, поправишься». Что же? Али неправду бают? Тешут меня, словно дите малое? Говорите скорей!..

– Нет, что же!.. Коли лекаря толкуют – им лучше знать... – не глядя на больного, ответили оба гостя.

Помолчал Иван, вздохнул, потом опять заговорил:

– Ну, на все воля Божия!.. Никто, как Он! Вижу, надо о смертном часе подумать... Волю свою оставить, царства свои и землю всю при жизни за Митей закрепить. Господи, не дай ему того изведать, что мне по малолетству моему испытать довелось.

– А, гляди, не лучше и будет, – дай Бог, мимо молвить!.. Ну да все ж таки... ежели племяш осиротеет наш... и ежели ему защиты близкой, родной не будет... Как думаешь: долго ль ему и жить-то без тебя останется? Вон у тебя брат родной – дурашлив да никчемн! Так уж надо по правде говорить. Да зато – двоюродный твой... о-ох!..

И Данило Юрьин, не докончив речи, только покачал головой.

– А что?... Разве уж?...

– М-м-м... Да как сказать... Толкуют, что большие советы советует князь Володимир Андрейч с боярами да с воеводами многими... Особенно кто твою опалу изведаль... Мало того, Одашев – собака, старый пес, отец твоего любимчика, так и дноет и ночует в палатах у Старицкого. Мало ему, холопу, что сам из грязи да в князи пролез, боярином окольниковым сделан... что сынишко его стольником... Кричал, поди, Олешка, што любит тебя, што раб твой верный... А видал ли ты его при себе?

– Разок заходил...

– То-то ж! А поп Селиверст, сказывают, с ними ж. Он – давний доброхот Старицких... Еще через Шуйских, твоих и нашего роду ворогов неустанных. То присмирели было они, как тебе Бог победу над Казанью даровал., да сына послал... А при недуге твоём тяжком – и снова кадык подняли. Да так высоко, и-и, Господи! И будто недоволен Олешка малой отличкой... А как сказал ему поп Селиверст: «Не кручинься, друже! Живет правда! Помнишь, как пели жены израильские: «Саул победил тысячи, а Давид – тьмы!» – так, може, и тебе такое же воспоют!..»

– Да быть не может? – дрожа от волнения, переспросил Иван.

– Вот те Христос! У меня вить тоже не котел на плечах. Везде свои люди поставлены. Без того нельзя. Так вот, Олешка на слова поповы и отвечает: «Бог велик и в малости – людей своих находит! А будь у меня больше силы, и ты, батько, клубук митрополита мог бы на башку вздеть. Не хитрость какая его носить! засиделся Макарий, вишь, на своем месте! Тринадцатый год сидит. Пора и честь знать! Одно, грит, не к руке: женатый ты поп, не вдовый, не черноризец».